

Галерея ученых-первопроходцев Восточной Сибири

Протопоп Аввакум и его «Житие»

*Долинная Т.И. — старший преподаватель кафедры географии,
природопользования и туризма ВСГАО*

Более трехсот лет назад судьба закинула на Ангару, а затем на Байкал человека зоркого, любознательного ума и совершенно неукротимой воли — Протопопа Аввакума (1620–1682), выдающегося русского писателя, одного из идеологов и вождей движения старообрядчества XVII в., известного прежде всего как создателя знаменитого автобиографического «Жития» (1672–1675), написанного им в заключении, в земляной тюрьме северного Пустозерского острога.

Аввакум родился в Нижегородской земле, в селе Григорово (теперь — Большемурашкинский район Нижегородской области), в семье священника и сам стал священником в селе Лопатищи; в 1652 году он был поставлен в протопопы — настоятеля Входа-Иерусалимской соборной церкви в небольшом торговом городке на Волге — Юрьевце-Повольском (теперь г. Юрьевец Ивановской области). Аввакума дважды изгоняли из Лопатищ и Юрьевца, прихожане за требовательный, бескомпромиссный нрав «духовного отца», и городские власти, — за его протест против самоуправства «начальных людей». Живя во время изгнания в Москве, Аввакум стал известен царскому духовнику Стефану Вонифатьеву и царю Алексею Михайловичу, вошел в придворный кружок «ревнителей благочестия», поставивший своей целью упорядочить положение дел в церкви и в духовной жизни общества, пришедшей в упадок после событий Смутного вре-

мени. С 1653 года, когда началась реформа русской церкви, проводимая патриархом Никоном, Аввакум оказался в числе ее активных противников, защитников старых обрядов и «дониконовских» книг. Сложное общественно-религиозное движение старообрядчества XVII века возникло как ответ на церковную реформу 1653 года, изменившую некоторые обряды русской церкви и тексты ряда богослужебных книг по греческому образцу. Вскоре движение стало перерастать узкие церковные рамки. В нем приняли участие разные социальные группы, недовольные политикой феодального государства и укрепляющейся абсолютной монархии. Главной силой движения стали низы общества — «простолюдины», «простецы», ремесленники, посадский люд, крестьянство. Борьба за старые обряды, против церковной реформы была протестом народных масс — горожан и крестьян — против феодального строя и окончательного закрепощения крестьянства, зафиксированного в «Уложении» (1649) царя Алексея Михайловича.

Разрастающееся движение старообрядчества вызвало серьезную тревогу правительства и церкви, начались жестокие репрессии. Аввакум, как и многие другие противники реформы, был послан в Сибирь (1653–1664), затем — после возвращения в Москву и отказа пойти на компромисс, принять реформу, — на Мезень (1664–1666), а после суда над старообрядцами на церковном соборе 1666–1667 гг. — в далекий воеводский

центр на Крайнем Севере Руси, лежащий за Полярным кругом, в низовьях реки Печоры, — в Пустозерский острог (1667–1682). Вместе с Аввакумом в Пустозерск были сосланы и другие опасные для властей полемисты, противники никоновской реформы. В Пустозерске началась интенсивная литературная работа Аввакума, он написал здесь основной корпус своих сочинений: автобиографическое «Житие», «Книгу бесед», «Книгу толкований», «Книгу обличений», более пятидесяти посланий и др. Много писали и «соузники» Аввакума — несмотря на отсутствие бумаги и запрещение писать. Пустозерск превратился в крупный, активно действующий центр демократической публицистики, центр непокорства не только господствующей церкви и ее иерархам, но и власти государственной — власти самого царя.

Со всей страстью «огнепальной» натуры Аввакум поучал народ: не книги церковные, не обряды должны подлежать исправлению, а сам быт церковный, нравы духовенства и нравы всей жизни русской. За такие проповеди его в 1652 году по приказу царя Алексея Михайловича схватили во время всенощной и заточили в Андроньевский монастырь. Четыре года томился в нем Аввакум, убежденный в правоте своих взглядов. Из этого монастыря он был перевезен в Тобольск на «пытки жестокие».

Не переносил Аввакум несправедливости, беспутства и жестокости, страстно призывал людей жить по-божески, а попросту — по-человечески. Прежде за свои гневные обличения пороков, особенно среди духовенства, не однажды терпел над собой дикие расправы.

Из Тобольска повезли Аввакума на Лену. Но по пути в Енисейск пришел другой приказ: отдать его в полк Афанасию Пашкову, направленному в Даурию. Ни страшные мытарства в пути, ни зверства Пашкова — ничто не могло погасить прирожденной любознательности Аввакума.

Плывя по Ангаре, он быстро приметил, что в окрестных горах «витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные и галки серыя; в тех же горах орлы, и соколы, и кречеты, и курята индейския, и лебеди, и иныя дикия, многое множество, птицы разныя. На тех же горах гуляют звери многие: дикие козы и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие воочию нашу, а взять нельзя». И когда Пашков принялся «выбивать» с гор зверей и птиц, взбунтовавшийся Аввакум послал Пашкову «малое писаньице», пытаясь образумить начальника. Но тот собственноручно зверски избил непокорного протопопа, велел заковать и кинуть раздетого в казенный дощаник под потоки холодного осеннего дождя. Жена Аввакума с четверья детьми осталась в его дощанике.

Наутро повезли его дальше. Подъехали к Падуну — самому большому из встречных порогов. Под дождем со снегом в накинутах на голые плечи легком кафтанишке Аввакум с любопытством оглядывал невиданное. «Река в том месте шириною с версту, три заливка через всю реку зело круты, не воротами (более спокойными проходами.) кто поплывет, ино в щепки изломает...» Дальше было не до природы, его, скованного по рукам и ногам, вытащили на берег и поволокли по камням, пока не миновали порог.

По пути в Даурию бурное «Байкалово море» запомнилось ему тем, что он едва не утонул в нем. В Даурии Аввакум провёл несколько лет. Терпел ужасные лишения. В обратный путь отправился с семьей пешком. И вот он вновь на Байкале. Здесь повстречался с русскими, которые приехали ловить артелью рыбу. Они приветливо встретили нежданных путешественников. Погостил у них Аввакум, отдохнул, порасспросил о промыслах, о здешней жизни. Потом починил лодку, смастерил парус, взял на дорогу подаренного «запасцу» и отправился через Байкал на другой берег. «Егда к берегу пристали, возстала буря

ветренная, и на берегу насили и место обрели от волн...»

На утро непогода улеглась, засияло солнце, и Байкал заискрился золотыми бликами во всей своей красе. Аввакум любовался им и его окрестными горами. На берегах Байкала он задержался, набираясь сил перед дальней дорогой. И все не переставал дивиться могучей красоте окрестностей озера. Позже в своем «Житии Протопопа Аввакума...» напишет: «Около его горы высокоя, 20000 верст и больше волочился, а не видал таких нигде, на верху их палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменна и двory...»

Взбирался он на крутые склоны, бродил по лесам, слушал рассказы здешних жителей об уловах рыбы, добыче птиц, зверя и все более поражался богатству этих мест. Приглядывался, как живут люди в этом благодатном крае, и порой испытывал приступы тоски.

Вернувшись в Москву, он с прежним пылом принялся нападать на «ересь Никонианову».

В 1667 году его отлучили от церкви, сослали в район Пустоозерска — в «место тундряное, студеное и безлесное». Там заточили в земляной сруб, в котором просидел он полтора десятка лет. В этом-то подземелье появилось знаменитое «Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное». До него никто не дерзал писать «Житие» не о святых, а о себе.

В нем Аввакум первым поведал людям о Байкале, о его живописных горах. И о том, что «лук на нем растет и чеснок, больше романовского луковицы, и сладок зело; там же растут и конопли

богорасленные, а во дворах травы красныя, и цветы благовонны гораздо, птиц зело много — гусей, лебедей, по морю, яко снег, плавают; рыба в нем: осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги и прочих родов много; вода пресная, и нерпы и зайцы великия в нем, в океане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем, осетры и таймени жирны гораздо, нельзя жарить на сковороде: жир все будет».

Не только свое «Житие» написал Аввакум. Его политические сказки тайно расходились по Руси, проникали и в столицу.

Патриарх Иоаким и молодой царь Федор Алексеевич с 1676 года заметно ужесточили режим заточения пустозерских узников, а 14 апреля 1682 года возжи старообрядческого движения были сожжены по царскому указу «за великия на царский дом хулы».

Почти двести лет оставались под запретом сочинения Аввакума. Только в 1861 году впервые было издано автобиографическое «Житие», сразу вошедшее в круг художественных интересов классиков русской литературы (высокую оценку литературного мастерства Аввакума дали И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой и др.).

Литература

1. *Голенкова А.И.* Следопыты Байкала.— М.: Мысль, 1975.
2. *Демкова Н.С.* Житие Протопопа Аввакума.— С-Пб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010.